

УДК 343.9; 343.988

DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).280-288

## ПРОБЛЕМАТИКА МЕДИАЦИИ В СЛУЧАЯХ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

**И. Михайлович**

*Институт права Литвы, г. Вильнюс, Литва*

### **Информация о статье**

Дата поступления

29 октября 2015 г.

Дата принятия в печать

23 марта 2016 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2016 г.

### **Ключевые слова**

Восстановительное правосудие;  
домашнее насилие;  
медиация между жертвой  
и правонарушителем;  
уголовная юстиция;  
международно-правовой опыт

**Аннотация.** Проблематика восстановительного правосудия и медиации в случаях домашнего насилия волнует ученых и практиков многих стран. Поэтому возникает необходимость рассмотрения медиации в случаях домашнего насилия как процесса разрешения сложного уголовно-правового конфликта. Возможно ли проведение медиации между насильником и жертвой домашнего насилия в случаях повышенной ранимости жертвы? Ответить на этот и другие вопросы можно прежде всего после изучения основных положений восстановительного правосудия как новой уголовно-правовой парадигмы, а также исследования международно-правового опыта и международных стандартов.

Автор статьи анализирует аргументы в пользу и против применения медиации в случаях домашнего насилия, практику некоторых стран (Австрии, Греции, Литвы), а также положения международных документов. В статье подчеркивается, что во многих странах, имеющих значительно более богатый опыт в этой области, чем страны Центральной и Восточной Европы, проблема посредничества в случаях домашнего насилия до сих пор не решена. Автор рассматривает актуальные проблемы в этой сфере, разрешаемые на международном уровне, например учет судом мнения жертвы домашнего насилия при назначении наказания виновному лицу, а также вопрос права собственности виновника домашнего насилия и возможности его выселения с занимаемой площади при применении медиации.

На основании результатов исследований, проведенных во многих странах, можно сделать вывод, что к медиации в случаях домашнего насилия необходимо относиться чрезвычайно осторожно, проводя этот процесс по специально установленным правилам, таким образом, не лишая жертв насилия возможности выяснить его причины и принять самостоятельное решение на будущее.

## PROBLEMS OF MEDIATION IN DOMESTIC VIOLENCE CASES

**Ilona Michailovič**

*The Institute of Law of Lithuania, Vilnius, Lithuania*

### **Article info**

Received

2015 October 29

Accepted

2016 March 23

Available online

2016 June 29

### **Keywords**

Restorative justice; domestic violence;  
victim-offender mediation; criminal  
justice; international legal experience

**Abstract.** The issues of restorative justice and mediation in the cases of domestic violence are actively investigated by researchers and field specialists of many countries. Thus mediation in the cases of domestic violence has to be viewed as a process of settling a complex criminal law conflict. Is it possible to have victim-offender mediation if the victim is highly vulnerable? It is only possible to answer this and other questions after studying the key propositions of restorative justice as a new criminal law paradigm and after researching the international legal experience and standards. The author analyses the reasons for and against the use of mediation in the cases of domestic violence, the practice of some countries (Austria, Greece, Lithuania), as well as the clauses of international documents. The article stresses that many countries with a far greater experience in this area than Central and Eastern European countries still have not settled the issue of mediation in the cases of domestic violence. The author examines the most topical issues in this sphere that are settled at the international level, such as, for example, taking into account the opinion of the victim of domestic violence when the court determines the punishment to the offender, as well as the issue of property rights of the offender in the cases of domestic violence and the possibility of his eviction from the dwelling when mediation is used. The results of the research conducted in many countries allow to conclude that a very careful approach is needed for mediation in the cases of domestic violence, this process should follow special rules so that the victims have an opportunity to understand its causes and to make an independent decision regarding the future.

В связи с социальными изменениями и трансформацией системы ценностей современные правовые системы постоянно меняются. Появляется необходимость менять систему уголовного правосудия. В данном контексте в ряде государств функционируют различные формы восстановительного правосудия.

Я.И. Гилинский, анализируя неэффективность традиционных средств контроля над преступностью, подчеркивает, что всё решительнее звучат предложения по формированию и развитию альтернативной, «неуголовной» юстиции для урегулирования отношений «преступник – жертва», по переходу от «возмездной» юстиции (retributive justice) к юстиции восстанавливающей (restorative justice). Суть в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (некто вроде третейского судьи) урегулировать отношения между жертвой и преступником. В целом речь идет о переходе от «войны с преступностью» (war on crime) к стратегии «сокращения вреда» (harm reduction) [1, с. 120].

Восстановительное правосудие — это отдельная модель, отдельная парадигма с точки зрения проблематики преступности. Восстановительное правосудие — процесс, в ходе которого нейтральная сторона стремится примирить жертву и виновника преступного деяния и таким образом разрешить конфликт, вызванный преступлением или проявившийся в виде преступления [2; 3, р. 46–47]. В большинстве европейских стран в значительной степени реализованной моделью восстановительного правосудия является медиация (посредничество), применяемая с целью достижения соглашения между виновным в преступном деянии и потерпевшим. В процессе медиации устанавливается конструктивный диалог между двумя конфликтующими сторонами, а спор решают сами стороны. Медиатор лишь ведущий, основная функция которого — помочь сторонам услышать друг друга, найти причины разногласий и возможные пути их устранения. Медиатор сосредоточивается только на объективных критериях спора, он управляет конфликтом и поддерживает баланс между сторонами [4]. Кроме того, давно признается, что восстановительное правосудие — это постоянно изменяющееся и совершенствующееся правовое явление [5].

Решение конфликтов в случае домашнего насилия путем медиации давно вызывает живую дискуссию и немало сомнений. Осознавая, насколько сложной и деликатной является проблема домашнего насилия, как непроста каждая интервенция в семейную жизнь и конфликты в семье, также имея в виду, что мнения практических работников по этому поводу зачастую не совпадают, необходимо обратить внимание на аргументы сторонников и противников медиации, руководствуясь эмпирическими исследованиями, результаты которых тоже разнятся.

В европейском праве можно заметить постепенное исчезновение «разрешения на применение насилия». В конце XVIII в. понемногу перестают применять экзекуции. Веком позже официально бить можно уже только детей. Избиения людей, так же как и уличные драки, начинают считаться противоречащим мужской культуре явлением. Начало XX в. было временем своего рода революции в этой области. Другой причиной, которая способствовала росту заинтересованности проблематикой насилия, стала женская эмансипация и феминистические движения [6, р. 416].

Говоря о проблеме домашнего насилия, необходимо обратить внимание на позитивные изменения, коснувшиеся не только потерпевших, но и более широких общественных слоев. Уровень знаний об этом явлении и способах его превенции очень вырос [7, р. 136]. Так, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г.<sup>1</sup> предусмотрела обязательства государств-участников по ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах не только в публичной, но и в частной сфере.

Кроме того, Конвенция Совета Европы о предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин и насилия в семье, также известная как Стамбульская конвенция<sup>2</sup>, предусматривает необходимость принятия законодательных и других мер по предупреждению всех форм насилия, подпадающих под сферу действия на-

<sup>1</sup> Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : принята резолюцией 34/180 Генер. Ассамблеи от 18 дек. 1979 г. URL : [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/cedaw.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml).

<sup>2</sup> Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence. URL : <http://www.conventions.coe.int/Treaty/EN/treaties/html/210.htm>.

стоящей Конвенции, со стороны любого физического или юридического лица. Данная Конвенция также содержит важное положение: ее участники принимают все необходимые меры по внедрению изменений в социальные и культурные модели поведения женщин и мужчин с целью искоренения предрассудков, обычаев, традиций и любой иной практики, которые основаны на идее неполноценности женщин или стереотипных представлениях о роли женщин и мужчин (ст. 12, ч. 1 и 2 Конвенции).

В конце 2009 г. Организация Объединенных Наций (Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел по улучшению положения женщин) издала Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин. В п. 3.9.1 данного документа «Запрещение посредничества» представлена рекомендация следующего содержания: «Законодательство должно однозначно запрещать посредничество во всех случаях насилия в отношении женщин — как до начала, так и в ходе судебного разбирательства»<sup>3</sup>. Также прилагается и короткий комментарий: посредничество (вмешательство с целью примирения) предложено как альтернатива процессам в рамках уголовного правосудия и семейного права в законодательстве нескольких стран, касающемся насилия в отношении женщин. Вместе с тем, когда посредничество используется при рассмотрении дел о насилии в отношении женщин, неизбежно возникает ряд проблем. Посредничество выводит эти дела за рамки тщательного судебного разбирательства, подразумевает, что обе стороны имеют равные права на отстаивание своих интересов, отражает предположение, что обе стороны в одинаковой степени виновны в насилии, и занижает ответственность преступника. Все большее число стран запрещает посредничество при рассмотрении дел о насилии в отношении женщин. Например, принятый в 2004 г. в Испании Органический закон о комплексных мерах по защите от гендерного насилия запрещает какое бы то ни было посредничество при рассмотрении дел о насилии в отношении женщин.

<sup>3</sup> Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин // Организация Объединенных Наций (Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел по улучшению положения женщин) : офиц. сайт. URL : [http://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20VAW%20\(Russian\).pdf](http://www.un.org/womenwatch/daw/vaw/handbook/Handbook%20for%20legislation%20on%20VAW%20(Russian).pdf).

Итак, в Пособии для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин изложена позиция, меняющая существовавшую до сих пор позицию Организации Объединенных Наций, в соответствии с которой виновному лицу и жертве преступления не запрещалось предлагать применение медиации в случаях домашнего насилия. Это повлекло за собой озабоченность специалистов и сторонников восстановительного правосудия, которые представили аргументы в пользу того, что применение медиации строго по установленным правилам, как раз так, как происходит в случае медиации в ситуациях домашнего насилия, только делает ее более эффективной [8, p. 2].

Отмечается немало достоинств и недостатков медиации, проводимой между виновником и жертвой домашнего насилия. На большинство из них необходимо обратить внимание в каждом определенном случае, когда должностное лицо принимает решение о возможности передачи дела на медиацию, а медиатор — о том, возьмется ли он за это дело [9, s. 1028]. Нельзя не согласиться с тем, что в сложных семейных ситуациях лицом, ответственным за принятие решения, может ли медиация в конкретной ситуации иметь уголовно-правовое значение, должен быть прокурор, полицейский или судья, а в психологическом смысле — имеющий опыт в семейных делах и специально подготовленный медиатор.

Одним из главных аргументов против применения посредничества в случаях бытового насилия является неравенство сторон во время переговоров [10, s. 360]. Обычно в таких случаях с одной стороны фигурирует виновник — агрессор, с другой же — зависящая от него покорная и пассивная жертва. Кроме того, считается, что обе стороны поровну отвечают за конфликт и агрессию и одинаково виновны в случившемся вне зависимости от того, что обида и вред нанесены лишь одной стороне. Зависимая от виновника сторона не может быть полноправным партнером в процессе медиации и будет находиться на худших позициях во время переговоров. Хороший вариант в данном случае — прохождение жертвой преступления определенного курса терапии с целью уменьшения неравенства сторон, и только после этого можно предложить ей участие в медиации. Также эффективным может стать участие преступника в специальной программе по изменению своего насильственного

и агрессивного поведения или прохождения им курса лечения от алкоголизма и наркомании.

Другая проблема, которая может возникнуть во время разрешения вопроса о медиации в случаях домашнего насилия, — это оценка риска для жертвы насилия и возможности обеспечения ее безопасности. Медиатор должен осознавать, что в случае неудачной медиации жертве может грозить повторное насилие со стороны партнера. Поэтому очень важно заранее провести надлежащую оценку конкретных случаев и их отбор для медиации.

В специальной литературе подчеркивается, по каким вопросам нельзя проводить медиацию в случаях домашнего насилия. Так, нельзя говорить о соглашении сторон, если договор идет по поводу насилия (например, «не буду тебя больше бить, если будешь больше заниматься домом»). Также во время процесса медиации жертвой не должно быть выражено согласие на стереотипное поведение, при котором она берет всю вину за произошедшее на себя. Наоборот, нужно укреплять позицию жертвы, объяснить ей вред такой возможной реакции, усилить контроль за ней. Кроме того, необходимо также обратить внимание на то, что нельзя перенести в процесс медиации правила семейной терапии, во время которой применяется принцип ответственности обоих членов семьи за возникшие проблемы, а во время медиации это могло бы создать необоснованное впечатление переноса вины на жертву [10, с. 362].

Имеет смысл обратить внимание на интересные исследования, связанные с медиацией в случаях насилия между партнерами, которые в Австрии провела К. Пеликан (С. Pelikan) (первое — в 1999 г., второе — через десять лет) [11]. Автор исследований наблюдала процессы медиации между партнерами, а по истечении срока от полутора до двух лет провела интервью с жертвами насилия, которые выразили на это согласие. Как показали результаты исследования, 83 % респондентов утверждали, что их партнеры прекратили к ним применять насилие, и большинство респондентов связывали это с проведенной медиацией. По итогам исследования, позитивный эффект от медиации был двойным: прежде всего, непосредственным, так как женщины научились требовать от своих партнеров не применять насилие и мирно решать конфликты; кроме того, медиация способствовала сепарации партнеров

(почти половина случаев). Около 40 % женщин, которые решили в дальнейшем поддерживать отношения с партнерами или были с ними в контакте и больше не страдали от насилия с их стороны, утверждали, что благодаря процедуре медиации их партнеры поменяли свое поведение и взгляды. По утверждению К. Пеликан, если десять лет назад позитивные изменения в поведении насильников были достаточно редки, то в настоящее время оказалось, что успешно предотвратить насилие представляется возможным. По убеждению автора исследования, на это повлияли как социальные преобразования, так и идеи феминистических движений, изменения в законодательстве и правоприменительная практика, а также перемены в менталитете общества [12, р. 218]. Здесь, имея в виду противодействие насилию в семье и оказание помощи его жертвам, стоит подчеркнуть, что австрийская система признается одной из лучших в Европе [13, с. 42]. Результаты другого исследования, проводимого Институтом социологии права и криминологии в Австрии, показали, что вред, причиняемый жертвам домашнего насилия, — это как различные повреждения имущества, так и многолетнее физическое и психическое насилие. В большинстве случаев жертвы домашнего насилия желают, чтобы партнер понял их боль и терпение. Такого рода медиация обычно проводится двумя медиаторами — женщиной и мужчиной. Благодаря медиации характер отношений жертвы насилия и ее партнера приобретает новое качество или же жертва начинает новую жизнь уже без этого партнера. Медиация также позволяет разрешить спор вне суда, что в достаточной степени удовлетворяет жертв домашнего насилия [14].

Необходимо упомянуть и о другом связанном с проведением медиации между виновниками домашнего насилия и их жертвами (женщинами) крупном проекте, который осуществлялся в трех районах недалеко от Йоханнесбурга в Южной Африке [8, р. 2]. Исследователи общались с 21 женщиной, участвовавшей в медиации. Большинство женщин выразили мнение, что в ходе медиации для них была создана безопасная атмосфера, и это дало им возможность свободно высказаться и быть выслушанными, зачастую впервые. Правила медиации и присутствие медиатора рядом позволили им чувствовать себя в безопасности, женщины — жертвы домашнего насилия могли свободно общаться со своими



партнерами. С участницами проекта по истечении года были проведены повторные интервью с целью выяснения, не произошли ли стойкие изменения в поведении их партнеров. Во всех случаях женщины заметили позитивные перемены в поведении своих партнеров и их желание измениться. По словам женщин, которые решились на дальнейшее проживание вместе со своими партнерами, их отношения с ними улучшились благодаря медиации. Как утверждали женщины, которые разошлись с партнерами, благодаря участию в медиации они могли вести переговоры относительно сепарации.

При оценке возможностей медиации в случаях домашнего насилия необходимо иметь в виду и высокую латентность этого явления. Так, по результатам крупного виктимологического исследования, проведенного в Греции, жертвы домашнего насилия обращаются в полицию только по поводу 9,4 % инцидентов. В основном это случаи физического и (или) сексуального насилия, из-за которого была необходима госпитализация потерпевшего лица. О мелких случаях домашнего насилия полиции обычно не сообщается, поэтому информация о них в системе уголовной юстиции очень ограничена. Однако, по результатам проведенных исследований, именно данные случаи домашнего насилия наиболее распространены в Греции: одна из двух женщин, принимавших участие в исследовании (56 %), пострадала от такого рода насилия со стороны своего мужа или партнера. Подчеркнем, что именно подобные случаи могли бы подойти для семейной медиации и (или) медиации между потерпевшим и правонарушителем [15, р. 184–185].

Вопрос применения восстановительного правосудия, и в том числе медиации, в так называемых гендерных делах, к которым относятся и случаи насилия в семье, до конца не решен даже в странах, имеющих значительный опыт в области восстановительного правосудия и альтернативных методов разрешения споров. Например, медиация между потерпевшим и виновником преступления пользуется большой популярностью в Скандинавских странах. Эта процедура обеспечивает сторонам конфликта уникальную возможность общения, что не представляется возможным в здании суда. Кроме того, медиацию широко поддерживает общественное мнение. Однако самый явный аргумент против использования медиации на

сегодняшний день, в сущности, касается того, возможна ли и насколько ценной является медиация по делам в случаях близких отношений между людьми. Особенно трудно здесь разграничить идеологические и фактические аргументы. Нет никаких сомнений, что дискуссии будут продолжаться [16, р. 145–146].

В странах Центральной и Восточной Европы процесс внедрения медиации в систему уголовной юстиции происходит значительно медленнее, чем в странах Западной. В ходе создания общих стандартов восстановительного правосудия в Европе нельзя не заметить наличия у разных стран уникальных культурных и политических особенностей; также обращает на себя внимание пассивность граждан, их недоверие к общественным организациям, неразвитость сотрудничества, нехватка информации, финансирования и т.п.

Однако, например, в Литве в последнее время насилию в семье уделяется особенно большое внимание. Одной из причин этого является новая система правового регулирования в данной области. 15 декабря 2011 г. вступил в силу Закон Литовской Республики о защите от домашнего насилия. Его цель — защита лиц от домашнего насилия, которое причисляется к деяниям, имеющим общественное значение, а также быстрое реагирование на возникшую опасность, применение мер защиты и оказание необходимой помощи<sup>4</sup>.

Данным законом было упразднено право потерпевших лиц решать, должны ли конфликты в семье, во время которых было применено насилие, разрешаться в уголовном процессе<sup>5</sup>. Применение таких положений обусловило прежде всего как скачок зарегистрированных случаев насилия, так и увеличение числа окончаний уголовного процесса по основаниям, имеющим элементы восстановительного правосудия, напри-

<sup>4</sup> Lietuvos Respublikos apsaugos nuo smurto artimoje aplinkoje įstatymas (Закон Литовской Республики о защите от домашнего насилия) // Valstybės žinios. 2011. Nr. 72-3475.

<sup>5</sup> В соответствии со ст. 7 Закона Литовской Республики о защите от домашнего насилия «по получении сообщения о домашнем насилии полицейские сотрудники по прибытии на место происшествия или в случае, если они сами являются свидетелями этого события, возбуждают досудебное разбирательство <...>. Потерпевший не вносит заявления».

мер так называемый уголовный приказ<sup>6</sup>, а также освобождение от уголовной ответственности за примирением сторон [17, р. 7–8]. Большая часть досудебных расследований кончается уголовным приказом, а в значительной части уголовных дел виновное лицо освобождается от уголовной ответственности за примирением сторон.

Можно предполагать, что в данном случае уменьшается латентность преступных деяний в сфере домашнего насилия, поскольку досудебное расследование начинается незамедлительно после обращения в органы полиции не только самих жертв такого деяния, но и его свидетелей.

Однако разрешение домашних конфликтов путем медиации — очень контраверсный вопрос. В этом контексте необходимо обратить внимание на то, что Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (CEDAW) по рассмотрении пятого сообщения Правительства Литвы об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин поощрил прекращение применения примирения в случаях домашнего насилия, так как такого рода процедуры могут увеличить ранимость женщин — жертв насилия<sup>7</sup>.

Рассматривая проблематику медиации в случаях насилия в семье, следует учесть требования международных документов, касающихся примирения сторон в уголовном судопроизводстве. В соответствии с Директивой Европейского парламента и Совета Европейского союза 2012/29/ЕС от 25 октября 2012 г. об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений, а также о замене Рамочного решения 2001/220/ПВД Совета ЕС<sup>8</sup> го-

<sup>6</sup> В соответствии со ст. 41 Уголовно-процессуального кодекса Литвы уголовный приказ — это приговор, который выносится судом без рассмотрения дела в суде. Обычно в практике уголовный приказ принимается по делам о нетяжких преступлениях, когда санкции сравнительно невысоки и виновному лицу не угрожает наказание в виде лишения свободы. Такими преступными деяниями как раз и является большинство случаев домашнего насилия.

<sup>7</sup> Committee on the Elimination of Discrimination against Women. Concluding observations on the fifth periodic report of Lithuania. Adopted by the Committee at its fifty-eighth session (30 June – 18 July 2014). CEDAW/C/LTU/CO/5 2014-07-24, п. 25 (d). URL : [www.socmin.lt/download/8026/cedaw\\_c\\_ltu\\_co\\_5\\_17679\\_e.pdf](http://www.socmin.lt/download/8026/cedaw_c_ltu_co_5_17679_e.pdf).

<sup>8</sup> URL : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2012:315:0057:0073:EN:PDF>.

сударства-участники устанавливают требования о защите жертв от угроз и дальнейшей виктимизации в случае применения посредничества или иных услуг восстановительного правосудия.

Исходя из всего сказанного, институт примирения жертвы и преступника можно применять, только если это соответствует интересам жертвы преступного деяния, обосновано ее свободным согласием. Кроме того, перед тем как потерпевший выразит согласие, ему должна быть предоставлена подробная информация о процессе и его возможных последствиях.

Следует подчеркнуть, что Конвенция Совета Европы о предупреждении и пресечении насилия в отношении женщин и насилия в семье (Стамбульская конвенция) предусматривает запрет на обязательное применение альтернативных процессов разрешения конфликтов, таких как медиация и процессы мирного урегулирования споров по делам, касающимся всех форм насилия, которые охватывает данная Конвенция (ст. 48, ч. 1).

Необходимо обратить внимание на некоторые вопросы, связанные с проблематикой медиации в области насилия в семье, разрешаемые на международном уровне. Прежде всего, это учет судом мнения жертвы насилия при назначении наказания виновному лицу и возможность применения медиации в уголовном судопроизводстве. Так, 15 сентября 2011 г. Суд Европейского союза рассматривал объединенные дела М. Гье (M. Gueye) (C-483/09) и В. Салмерона Санчеца (V. Salmerón Sánchez) (C-1/10) в связи с Рамочным решением 2001 г.<sup>9</sup> М. Гье и В. Салмерон Санчез были осуждены за насилие в семье, и, кроме других наказаний, им было назначено дополнительное наказание — запрет приближаться к своей жертве на расстояние соответственно 1 000 и 500 м и общаться с ней в первом случае в течение 17 месяцев, во втором — 16 месяцев. Во время дачи показаний обе потерпевшие женщины осознанно, по своей свободной воле заявили, что готовы вновь проживать вместе с осужденными, несмотря на то что ранее последним было назначено наказание за насилие в семье против них. В связи с этим возник вопрос, может ли жертва бытового насилия иметь право высказать свое мнение при назначении наказания виновнику

<sup>9</sup> CJEU Joined Cases C-483/09 and C-1/10, Gueye and Salmerón Sánchez. URL : <http://fra.europa.eu/en/caselaw-reference/cjeu-c-48309-and-c-110-opinion-advocate-general>.

насилия. Суд Европейского союза принял отрицательное решение и подчеркнул, что процессуальное право потерпевшего быть выслушанным во время рассмотрения уголовного дела не предоставляет ему никаких прав ни в ходе назначения вида наказания на основании национального уголовного законодательства, ни при определении его величины. Суд также отметил, что с помощью уголовно-правовой защиты против бытового насилия государство охраняет не только интересы потерпевших лиц, но и более общие общественные интересы. Государства-члены обязуются применять медиацию в уголовных делах по преступлениям, которые они признают за надлежащие для применения такого средства, поэтому выбор преступлений, по которым может применяться медиация, является дискрецией государств-участников.

Необходимо учитывать и другие проблемы, связанные с медиацией в области насилия в семье. Так, в соответствии с уголовным законодательством Литвы примирение в уголовном судопроизводстве возможно лишь тогда, когда виновник по собственному желанию возместил или устранил вред, причиненный жертве, или договорился с жертвой о возмещении или устранении такого вреда. Вопрос возмещения вреда в делах о насилии между супругами очень проблематичен: из каких средств виновник насилия может возместить вред, причиненный жертве, в случае когда имущество супругов принадлежит им обоим, т.е. все средства виновника принадлежат как ему, так и жертве насилия [18]? Поэтому в данном контексте необходимо упомянуть вопрос права собственности виновника домашнего насилия при применении медиации, который был решен на международном уровне.

24 апреля 2012 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) принял постановление по делу «Калуча (Kaluczka) против Венгрии»<sup>10</sup>, предусматривающее выселение преступника с жилой площади, на которой он проживал совместно с жертвой насилия.

Насильник — сожитель жертвы выкупил у бывшего мужа жертвы его часть квартиры. По истечении короткого времени между сожителями стало возникать все больше обоюдных случаев

<sup>10</sup> Case of Kaluczka v. Hungary (Application no. 57693/10). URL : <http://www.coe.int/t/dghl/standard-setting/convention-violence/caselaw/CASE%20OF%20KALUCZA%20v.%20HUNGARY.pdf>.

насилия. Заявительница постоянно обращалась в полицию по поводу применения к ней насилия. Часть процессов закончилась прекращением дела или оправданием бывшего сожителя, но во многих случаях он был осужден. Национальный суд отказал потерпевшей в предоставлении ей защиты по причине наличия обоюдной вины в постоянном домашнем насилии. В национальных судах также проходили гражданские процессы по установлению права собственности на квартиру. Заявительница обратилась в суд с просьбой о запрете на приближение к ней и о выселении насильника. Она также представила 13 медицинских справок, свидетельствующих о нанесении ей телесных повреждений в 2005–2010 гг.

ЕСПЧ постановил, что государство должно обеспечить защиту жертв домашнего насилия такими методами, как запрет преступнику на приближение к жертве или обязательство его выселения из занимаемого общего помещения. Суд признал описываемую ситуацию нарушением ст. 8 Конвенции по правам человека (защита частной жизни). Применение насилия в доме потерпевшей было неоднократно доказано, поэтому государство должно было обеспечить надлежащую защиту ее частной жизни и квартиры от агрессии ее бывшего партнера. По мнению ЕСПЧ, факт, что насилие было обоюдным, не дает достаточного основания для непринятия надлежащего решения о защите жертвы. Прежде всего, во время обоюдных атак насилия зачастую может иметь место самооборона, что естественно, поскольку не были предприняты меры защиты со стороны государства.

Нельзя не согласиться с мнением, что с целью успешного противостояния гендерному насилию в семье должны быть предусмотрены меры, с помощью которых необходимо бороться с такими гендерными стереотипами и традиционными взглядами, согласно которым один пол является превосходящим по отношению к другому [19, р. 274]. В противном случае, если государству не удастся защитить права женщины — жертвы домашнего насилия, такое государство будет признано не только нарушившим свои обязанности в конкретном деле по домашнему насилию (в семье), но и не предпринявшим мер по защите от гендерного насилия своего населения.

Большинство европейских стран признало домашнее насилие серьезной проблемой, предусмотрев соответственные меры защиты. В случае

домашнего насилия защита необходима сразу же после его применения, когда полиция прибывает на место совместного проживания жертвы и насильника. В законодательствах многих государств — членов Европейского союза предусмотрены такие меры, как выселение насильника с места жительства с запретом на возвращение. Нарушение таких мер должно повлечь за собой немедленную реакцию полиции [20, р. 61–65].

Вредные последствия домашнего насилия чувствует не только семья, за них платит все общество. Многие исследования, а также информация, предоставленная медиаторами, свидетельствуют о том, что участники процесса медиации (в том числе по делам домашнего насилия) до-

вольны ее результатами, как и самим процессом, а также склонны рекомендовать медиацию в качестве успешного метода разрешения конфликтов другим. Поэтому было бы нежелательно, чтобы людям в подобных ситуациях не была предоставлена возможность разрешения споров при участии специалистов-профессионалов. Решения о разрешении спора путем медиации должны приниматься в индивидуальном порядке после основательного изучения обстоятельств дела. Одновременно возникает необходимость проведения исследований, определяющих, в каких ситуациях медиация может быть успешной. Результаты уже проведенных исследований показывают, что такие ситуации существуют.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гишинский Я.И. Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью / Я.И. Гишинский // Закон. — 2012. — № 9. — С. 117–128.
2. Zehr H. Changing Lenses. A New Focus for Crime and Justice / H. Zehr. — Scottsdale, 1990. — 292 p.
3. Čepas A. Atkuriamojo teisingumo samprata / A. Čepas // Atkuriamojo teisingumo perspektyvos Lietuvoje / I. Michailovič, S. Bikelis, A. Čepas, M. Dobrynina, R. Simaitis, D. Šneideris, L. Ūselė, J. Venckevičienė. — Šiauliai, 2014. — P. 13–48.
4. Marshall T.F. Restorative Justice: An Overview [Electronic resource] / T.F. Marshall. — L. : Home Office, 1999. — Mode of access : <http://fbga.redguitars.co.uk/restorativeJusticeAnOverview.pdf>.
5. Ashworth A. Responsibilities, rights and restorative justice / A. Ashworth // British Journal of Criminology. — 2002. — № 42 (3). — P. 578–595.
6. Justickis V. Kriminologija. 1 dalis / V. Justickis. — Vilnius : Lietuvos teisės universitetas, 2001.
7. Płatek M. Restorative Justice as a mean to effective crime control and alternative to imprisonment. Conflict as property revisited / M. Płatek // Sociologija. Mintis ir veiksmai. — 2007. — № 2 (20). — P. 135–150.
8. Pelikan C. The never ending story: Restorative justice and domestic violence / C. Pelikan // Newsletter of the European Forum for Restorative Justice. — 2010. — Vol. 11, iss. 2. — P. 1–4.
9. Wójcik D. Czy należy zakazać stosowania mediacji w sprawach o przemoc rodzinną (partnerską) / D. Wójcik // Węzłowe problemy prawa karnego, kryminologii i polityki kryminalnej. Księga pamiątkowa ofiarowana Profesorowi Andrzejowi Markowi / V. Konarska-Wrzosek, J. Lachowski, J. Wójcikiewicz (red.). — Warszawa : LEX, Wolters Kluwer business, 2010. — S. 1017–1032.
10. Zielińska E. Kilka refleksji na temat mediacji w sprawach karnych o przemoc w rodzinie / E. Zielińska // Księga dedykowana Dr Ewie Weigend / S. Waltoś (red.). — Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 2011. — S. 355–366.
11. Pelikan C. On the efficacy of victim-offender-mediation in cases of partnership violence, or: Men don't get better, but women get stronger: Is it still true? Outcomes of an empirical study / C. Pelikan // European Journal on Crime Policy and Research. — 2010. — Vol. 16 (1). — P. 49–67.
12. Bachinger L.M. Victims and Restorative Justice in Austria / L.M. Bachinger, C. Pelikan // Victims and Restorative Justice: an Empirical Study of the Needs, Experience and Position of the Victim within Restorative Justice Practices / ed. by D. Bolívar, I. Aertsen, I. Vanfraechem. — European Forum for Restorative Justice, 2013. — P. 206–257.
13. Spurek S. Ustawa o przeciwdziałaniu przemocy w rodzinie. Praktyczny komentarz / S. Spurek. — 2 wydanie. — Warszawa : LEX a Wolters Kluwer business, 2011. — 392 s.
14. Pelikan C. Mediation and Victims: the Case of Austria / C. Pelikan // Newsletter of the European Forum for Restorative Justice. — 2012. — Vol. 13, iss. 2. — P. 2–3.
15. Artinopoulou V. Victim Offender Mediation in Cases of Domestic Violence — the Greek Experience [Electronic resource] / V. Artinopoulou // European Best Practices of Restorative Justice in the Criminal Procedure / ed. by M. Gyökös, K. Lányi. — Budapest : Ministry of Justice and Law Enforcement of the Republic of Hungary, 2010. — P. 177–186. — Mode of access : [http://www.iars.org.uk/sites/default/files/Restorative%20justice%20report%20\\_%20Hungary.pdf](http://www.iars.org.uk/sites/default/files/Restorative%20justice%20report%20_%20Hungary.pdf).
16. Lappi-Seppälä T. Nordic Mediation — Comparing Denmark and Finland / T. Lappi-Seppälä, A. Storgaard // Neue Kriminalpolitik. — 2015. — № 2. — P. 136–147.
17. Bikelis S. Drivers that change the direction of penal policy: a case of developments of victim-offender reconciliation in the Lithuanian criminal justice system / S. Bikelis // Acta Juridica Hungarica. — 2015. — Vol. 56 (1). — P. 2–13.
18. Venckevičienė J. Konfliktai ir smurtas artimoje aplinkoje. Ar įmanoma susitarti? Arba ką gali mediacija? [Electronic resource] / J. Venckevičienė, A. Čepas. — Mode of access : <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2013-12-20-konfliktai-ir-smurtas-artimoje-aplinkoje-ar-imanoma-susitarti-arba-ka-gali-mediacija/111854>.
19. Vaigė L. The Concept of Domestic Violence in Lithuania and the Aspect of Gender from the Perspective of International Law / L. Vaigė // Socialinių mokslų studijos. — 2013. — № 5 (1). — P. 255–274.



20. Mapping the Legislation and Assessing the Impact of Protection Orders in the European Member States / S. van der Aa, J. Niemi, L. Sosa, A. Ferreira, A. Baldry. — Wolf Legal Publishers, Oisterwijk, 2015. — 276 p.

#### REFERENCES

1. Gilinskii Ya.I. The execution of a punishment in the system of social control over criminality. *Zakon = Law*, 2012, no. 9, pp. 117–128. (In Russian).
2. Zehr H. Changing Lenses. *A New Focus for Crime and Justice*. Scottsdale, 1990. 292 p.
3. Čepas A. Atkuriamojo teisingumo samprata. In I. Michailovič, S. Bikelis, A. Čepas, M. Dobrynina, R. Simaitis, D. Šneideris, L. Ūselė, J. Venckevičienė. *Atkuriamojo teisingumo perspektyvos Lietuvoje*. Šiauliai, 2014, pp. 13–48. (In Lithuanian).
4. Marshall T.F. *Restorative Justice: An Overview*. London, Home Office, 1999. Available at: <http://fbga.redguitars.co.uk/restorativeJusticeAnOverview.pdf>.
5. Ashworth A. Responsibilities, rights and restorative justice. *British Journal of Criminology*, 2002, no. 42 (3), pp. 578–595.
6. Justickis V. *Kriminologija. 1 dalis*. Vilnius, Lietuvos teisės universitetas, 2001.
7. Płatek M. Restorative Justice as a mean to effective crime control and alternative to imprisonment. Conflict as property revisited. *Sociologija. Mintis ir veiksmas*, 2007, no. 2 (20), pp. 135–150.
8. Pelikan C. The never ending story: Restorative justice and domestic violence. *Newsletter of the European Forum for Restorative Justice*, 2010, vol. 11, iss. 2, pp. 1–4.
9. Wójcik D. Czy należy zakazać stosowania mediacji w sprawach o przemoc rodzinną (partnerską). In Konarska-Wrżosek V., Lachowski J., Wójcikiewicz J. (eds). *Węzłowe problemy prawa karnego, kryminologii i polityki kryminalnej. Księga pamiątkowa ofiarowana Profesorowi Andrzejowi Markowi*. Warszawa, LEX, Wolters Kluwer business, 2010, pp. 1017–1032. (In Polish).
10. Zielińska E. Kilka refleksji na temat mediacji w sprawach karnych o przemoc w rodzinie. In Waltoś S. (ed.). *Księga dedykowana Dr Ewie Weigend*. Kraków, Polska Akademia Umiejętności Publ., 2011, pp. 355–366. (In Polish).
11. Pelikan C. On the efficacy of victim-offender-mediation in cases of partnership violence, or: Men don't get better, but women get stronger: Is it still true? Outcomes of an empirical study. *European Journal on Crime Policy and Research*, 2010, vol. 16 (1), pp. 49–67.
12. Bachinger L.M., Pelikan C. Victims and Restorative Justice in Austria. In Bolívar D., Aertsen I., Vanfraechem I. (eds). *Victims and Restorative Justice: an Empirical Study of the Needs, Experience and Position of the Victim within Restorative Justice Practices*. European Forum for Restorative Justice, 2013, pp. 206–257.
13. Spurek S. *Ustawa o przeciwdziałaniu przemocy w rodzinie. Praktyczny komentarz*. 2<sup>nd</sup> ed. Warszawa, LEX a Wolters Kluwer business Publ., 2011. 392 p.
14. Pelikan C. Mediation and Victims: the Case of Austria. *Newsletter of the European Forum for Restorative Justice*, 2012, vol. 13, iss. 2, pp. 2–3.
15. Artinopoulou V. Victim Offender Mediation in Cases of Domestic Violence — the Greek Experience. In Gyökös M., Lányi K. (eds). *European Best Practices of Restorative Justice in the Criminal Procedure*. Budapest, Ministry of Justice and Law Enforcement of the Republic of Hungary, 2010, pp. 177–186. Available at: [http://www.iars.org.uk/sites/default/files/Restorative%20justice%20report%20\\_%20Hungary.pdf](http://www.iars.org.uk/sites/default/files/Restorative%20justice%20report%20_%20Hungary.pdf).
16. Lappi-Seppälä T., Storgaard A. Nordic Mediation — Comparing Denmark and Finland. *Neue Kriminalpolitik*, 2015, no. 2, pp. 136–147.
17. Bikelis S. Drivers that change the direction of penal policy: a case of developments of victim-offender reconciliation in the Lithuanian criminal justice system. *Acta Juridica Hungarica*, 2015, vol. 56 (1), pp. 2–13.
18. Venckevičienė J., Čepas A. *Konfliktai ir smurtas artimoje aplinkoje. Ar įmanoma susitarti? Arba ką gali mediacija?* Available at: <http://www.bernardinai.lt/straipsnis/2013-12-20-konfliktai-ir-smurtas-artimoje-aplinkoje-ar-imanoma-susitarti-arba-kangali-mediacija/111854>. (In Lithuanian).
19. Vaigė L. The Concept of Domestic Violence in Lithuania and the Aspect of Gender from the Perspective of International Law. *Socialinių mokslų studijos*, 2013, no. 5 (1), pp. 255–274.
20. Van der Aa S., Niemi J., Sosa L., Ferreira A., Baldry A. *Mapping the Legislation and Assessing the Impact of Protection Orders in the European Member States*. Wolf Legal Publishers, Oisterwijk. 2015. 276 p.

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Michailovich Ilona — старший научный сотрудник Отдела криминологических исследований Института права Литвы, доктор юридических наук, г. Вильнюс, Литва; e-mail: Ilona.Michailovic@tf.vu.lt.

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Michailovič, Ilona — Senior Research Fellow, Department of Criminological Research, the Institute of Law of Lithuania, Ph.D. in Law, Vilnius, Lithuania; e-mail: Ilona.Michailovic@tf.vu.lt.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Michailovich I. Проблематика медиации в случаях домашнего насилия / И. Михайлович // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 2. — С. 280–288. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(2).280-288.

#### BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Michailovič I. Problems of mediation in domestic violence cases. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 280–288. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(2).280-288. (In Russian).